

ТВОРЧЕСТВО И ДУША: ТРИ СЛОЯ СОЗНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУКИ, ИСКУССТВА И РЕЛИГИИ

Ю.П. Вяземский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации. Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского 76.

Изучение культуры как разнообразия форм деятельности предполагает изучение конкретных форм такой деятельности не только в их «самостоятельном» существовании, но и сквозь призму того, кто, собственно, эту деятельность осуществляет. Такой подход в культурологии связан с обращением к данным психологии и не может не учитывать тех её достижений, которые стали особенно актуальными к концу XX – началу XXI вв. и продолжают оставаться в ряду наиболее востребованных вопросов культурологии как научной дисциплины. Методология подобных исследований связана с комплексным использованием данных экспериментальной психологии, а также теоретическим осмыслением их роли и места в целостном знании об особенностях решения с их помощью «проблемы человека». В силу сказанного наука, искусство и религия как сферы культурной деятельности могут быть рассмотрены сквозь призму теории бессознательного З. Фрейда с теми уточнениями, которые внёс в это учение академик П.В. Симонов. По мысли Симонова, фрейдовское «предсознательное» включает в себя как подсознание, так и сверхсознание. Подсознание содержит интериоризованные механические навыки и невербализуемые образы. Важным открытием Симонова было выделение в психике области сверхсознания, где помещаются также невербализуемые образы, которые защищают сознание от него самого. Разбирая вопрос о слоях психики применительно к науке, искусству и религии, можно выделить три подуровня в каждом из них. В науке это гипотетика (сверхсознание), теорематика (сознание) и аксиоматика (подсознание). В искусстве соответственно иконика (сверхсознание), драматика (сознание) и каноника (подсознание). В религии – мифика (сверхсознание), теологика (сознание), догматика (подсознание). Одним из наиболее важных аспектов слоёв и уровней психики в данной модели является их сбалансированное развитие, которое помогает предотвратить множественные «перекосы» в ту или иную сторону. Нормативный пласт культурологии, который задаётся таким образом, не означает эссенциалистских установок. Фундамент аналитической психологии держится на экспериментальной составляющей, значение которой при осмыслении целостного феномена человека ещё требует своего изучения.

Ключевые слова: деятельностный подход, культурология, психика и познание, структура сознания, бессознательное, предсознание, подсознание и сверхсознание, наука, искусство, религия

Роль процессов сознания в понимании возможностей и границ человеческой культуры трудно переоценить. Как невозможно избежать определённого схематизма в решении тех или иных задач, связанных с интерпретацией роли психики [Павлов-Пинус: 2018а: 40-57; Павлов-Пинус, 2018б: 47-55; Симонов П., 1984; Громыко, 2019:185-195], в том числе в развитии таких сфер человеческой деятельности, как наука, искусство и религия. Ограничиваясь рассмотрением одной из таких пояснительных моделей, воспользуемся дискуссионным положением о том, что рассмотрение культуры как феномена может представлять собой:

- не только антропологическое, лингвистическое, религиозное и т.д. описание;

- но и выразиться в попытке найти обобщённую структурную модель научного образца. Последнее предполагает видение культуры как «единства, которое было бы способно включить в себя множественное, причём разными способами» [Кузнецов, 2014: 146].

Одной из таких моделей является та, что была предложена научной психологией и на протяжении XX века оставалась одной из наиболее востребованных при решении конкретных социально-организационных и медицинских задач. Эта модель оказалась действующей, по крайней мере, в хорошо описанной системе уникального исторического опыта, с которым сталкивается современный человек. Она остаётся трендом современных исследований в области границ человеческого поведения, а также истоков творчества и возможностей разнообразных социокультурных проектов [Симонов, 1993].

Как известно, аналитическая психология начинается с Зигмунда Фрейда:

та, что была до него, носила описательный характер. Во взглядах Фрейда было много вещей, которые вызывают сомнения, однако в них есть много ценного. Возможно, наибольшую ценность представляет его позиция, что человек ни в коем случае не состоит из сознания, а его психика содержит по меньшей мере три структуры:

- во-первых, это то, что Фрейд называл собственно *сознанием* (*Bewusstsein*);

- во-вторых, то, что он называл *предсознанием*, потому что у него это именно предсознание (*Vorbewusstsein*), которое в дальнейшем американская традиция психоанализа искажила и у них появилось «подсознание» (в то время как у Фрейда этот термин встречается крайне редко и совсем в другом контексте). Фрейд же говорит именно о *Vorbewusstsein*, предсознательном;

- в-третьих – это *бессознательная* психическая структура (*Unbewusstsein*).

Исследуя эти три фрейдовы структуры, академик П.В. Симонов – интереснейший для меня психофизиолог, – обратил внимание на это фрейдовское *Vorbewusstsein* – предсознательное, и у него возникло ощущение, что туда, в это «предсознательное» (или то, что потом стали называть подсознательным), слишком много всего разного помещают, и в том числе принципиально разные вещи. Развивая учение Фрейда, академик Симонов сделал, на мой взгляд, очень интересное открытие: он это предсознательное Фрейда разделил на две части: на *подсознание* и на то, что он назвал *сверхсознанием*.

В подсознание академик Симонов отнёс, грубо говоря, две фундаментальные вещи: это то, что когда-то было сознательным, а потом, чтобы защитить сознание от слишком большой нагрузки,

это из сознания переместилось в подсознание, то есть это различные механические и прочие вещи [Фрит 2016: 53; Крюкова, 2016: 166-170]. Конкретный пример: когда вы начинаете учиться музыке, когда у вас первый урок игры на фортепиано, учительница говорит: «Давайте посмотрим, вот большой пальчик у вас идёт на ноту до, второй пальчик идет на ноту ре, третий – на ми; а потом, чтобы играть гамму, пальчик большой переходит на фа, дальше – второй и так далее...». Естественно ученик во время первого урока думает о том, куда идёт пальчик. Но если бы это так и осталось, если бы это из сознания не было переведено в подсознание, то, сами понимаете, что получилось бы. Скажем, если бы Денис Мацуев, когда выходит играть на сцену, думал, куда у него идёт пальчик, то никакой бы музыки не получилось. Итак, некоторые механические навыки уходят в автоматику, в подсознание. Вместо сознания у Дениса Мацуева работает ещё и колоссально развитое музыкальное подсознание. Это первый, очень большой блок подсознательного.

Второй, о котором кстати не все психологи говорят: очень многое отправляется в подсознание, минуя сознание. И это, главным образом, то, что происходит подражательно. То есть человек не пропускает это через сознание, он иногда даже не подозревает, что он это делает, но за счёт подражания всё это уходит сразу в подсознание. В том числе – язык, подражание любимому человеку – его походке, поведению, манерам. Другими словами, колоссальный блок уходит в подсознание через подражательное поведение, минуя сознание. Здесь никакого собственно открытия Симонов не произвёл, потому что это и так всё было понятно. Открытие его заключалось в том, что помимо подсознания он стал разрабатывать психическое явление, которое называется «сверхсознанием».

Сверхсознание по академику Симонову – это различные интуиции, гипотезы; то, чего не было в сознании, но то, что защищает, по Симонову (в некоторых местах у него это указано), сознание от

него самого. Что характерно и для подсознания, и для сверхсознания (то есть для всего предсознательного по Фрейду), – это невербальные вещи. То есть здесь присутствуют в основном вещи образные, динамические. Если мы проследим за тем, как делались великие открытия, часто в описании этих открытий теми людьми, которые их делали, обнаруживается, что, например, Менделееву, по его признанию, периодическая система элементов приснилась во сне. Этому можно верить или нет, но известно – люди об этом по крайней мере свидетельствуют: замечательный Август Кекуле, который открыл формулу бензола, описывал, что он долго мучился над этой формулой, пока ему однажды не приснились обезьяны, сцепившиеся хвостами. Эти обезьяны, сцепившиеся хвостами, обратите внимание, совершенно невербальная вещь, абсолютно образная, в каком-то смысле метафорическая, натолкнула его сознание на то, что тут же с помощью колоссального химического аппарата в нём возникла формула бензола, – уже без всяких обезьян и с конкретными формулами.

Для того, чтобы стало понятнее, можно провести аналогию между сознанием и директором крупного предприятия или ректором университета. Он олицетворяет сознание. Когда возникает какой-то вопрос, он, естественно, приглашает своих заместителей, экспертов, специалистов – причём, чем сложнее вопрос, тем больше приглашённых. И они, собираясь за столом, предлагают различные варианты решения этого вопроса, которые когда-то уже проводились, которые есть в их компетенциях, в их воспоминаниях. И они вместе разрабатывают решение этого вопроса. И сознание – ректор готов уже принять решение в соответствии с тем, что ему предлагают. Но – в хорошем большом кабинете и у ректора, и у директора всегда есть комната отдыха. И иногда вдруг дверь в эту комнату отдыха открывается и оттуда появляется, скажем, молодой человек довольно безапелляционного поведения, который может в любой момент войти и вмешаться в разговор этих умудрённых опытом мужей и ска-

зять: «Чего вы тут делаете? Чушь какая-то. Некрасиво, неинтересно, смешно». Может взять чашечку кофе и пролить на те документы, что уже готовы, и сознание уже готово было их принять. Иногда он что-то предлагает, иногда ничего не говорит и уходит.

В каком-то смысле это демон, знаменитый «даймонион» Сократа. Платон его (во всяком случае в «Апологии Сократа» – в разделах 40 а-с, 31 d согласно общепринятой системе цитирования сочинений античных авторов [Платон, 1990: 94-95, 85; Сидорова, 2015: 93-101]) выводит так: вокруг него вдруг начинает звучать этот голос, причём он не объясняет почему, а просто говорит: «Сократ, вот это – не надо!» и всё. А иногда предлагает какие-то другие варианты. Причём эти варианты порой кажутся нереальными, не имеющими отношения к делу, похожими на тех самых сцепившихся хвостами обезьян, которых в состоянии понять только тот ректор, только то сознание, которое к этому готово. То, которое до этого очень хорошо проработало эту тему.

Симонов пытался заниматься языками сверхсознания, эту работу он до конца не довёл, но, пожалуй, можно выделить в качестве языков подсознания следующие: красиво/некрасиво, когда сверхсознание одобряет принятое сознанием решение: «Это красиво, это хорошо, это пойдёт» или «Давайте, сделаем так, потому что это будет красиво». А отрицательная рекомендация сверхсознания в отношении сознания это «некрасиво». «Этот самолёт не полетит», – очень часто можно встретить у конструкторов, – «потому что он некрасивый». Естественно, возмущённое сознание может сказать: «Что это такое! Что значит некрасиво?! Ты тогда, может быть, подскажешь мне, что такое красиво?». А оно в ответ: «А ты сам думай!». И повторяет: «Это не полетит. Это некрасиво, это неинтересно», а иногда совсем грубо: «Это смешно».

Как вы знаете, мы с вами уже об этом говорили, для меня существует три пути познания: **научное, художественное, религиозное** [Симонов-Вяземский, 2018а: 124-131; Симонов-Вяземский,

2018б: 7-14]. Вот я и решил посмотреть на научную психику, на художественную психику и на религиозную психику. Только заранее хочу оговориться, что нужно иметь в виду две вещи (и Фрейд нас здесь бы поддержал). Во-первых, что сознание в нашей психике играет довольно небольшую роль, это довольно узкий её пласт, особенно когда мы его сравниваем с бессознательным, а возможно даже и с предсознательным. Второе – это то, что о бессознательном мы с вами сказать совершенно ничего не можем просто потому, что, если мы об этом что-то можем сказать, это уже не бессознательное, а значит, мы уже выходим за его рамки. Поэтому, чтобы нечто из бессознательного стало сознательным, по Фрейду, надо обязательно вывести его в сознание. Тут я бы дополнил Фрейда и сказал, что, как правило, бессознательное переводится в сознание через предсознание [Ср.: Катунин, 2019: 129-144].

Потому что для того, чтобы это потом стало логическим, чтобы стало вербальным, это прежде всего должно проявиться так или иначе в виде каких-то образов [Матвеева, 2014: 420-423]. Причём эти образы могут быть, условно говоря, совершенно необязательно зрительными, они могут быть и слуховыми и ольфакторными и тактильными – по всем пяти чувствам. Перед нами примерно то, что в своё время сделали Ф.Т. Михайлов и Э.В. Ильенков [Михайлов, 1976; Ильенков, 1974], обучая выражать чувственное восприятие слепоглухонемых, и сделали они это совершенно великолепно и для меня совершенно загадочно: я не понимаю, как им это удаётся [Бэкхерст, 2010: 88-96].

Итак, давайте начнём с **науки**. Можно выделить три пласта научной психики. Начнём со сверхсознательного пласта. Это, кстати, не значит, что оно должно находиться наверху или внизу, здесь любое пространственное помещение таких вещей довольно опасно. Рисунок сознательное-бессознательное-предсознательное тоже зависит от того, как он делается тем или иным исследователем: сознание может быть на по-

И делаю я это не для того, чтобы обидеть женщину, а для того, чтобы её восхвалить, потому что у неё сознание меньше за счёт того, что у неё намного лучше развито предсознание и сверхсознание. Тому много и документальных примеров, и особенно хорошо это описано в художественной литературе и кинематографе. Конкретный пример – «Сталкер». В первом варианте сценария братьев Стругацких жена Сталкера хочет вместо него идти в Зону, потому что она понимает: он будет действовать сознательно и, скорее всего, не поможет их бедной девочке. И она как мать предчувствует, что только она и попросит у этого магического круга (в первом варианте это был именно магический круг), чтобы он исцелил их несчастное дитя.

Сверхсознательный уровень науки я бы обозначил греческим словом *гипотетика* – это образы, которые есть в психике любого учёного, они его направляют. Они ему подсказывают, а иногда и сбивают его с толку, потому что сверхсознание, как вы сами понимаете, очень часто вбрасывает образы, а отбирает их потом

Сознательную часть, сознательный слой научной психики я бы назвал *теорематикой*: сознание, получая различные образы, всякие подсказки и гипотезы, занято тем, что начинает всё это обрабатывать, чаще всего так же, как доказывается та или иная теорема.

Переходим к **искусству**. Здесь по той же самой модели сверхсознательный пласт я бы назвал *иконикой*, что совпадает с древнегреческими терминами, где «айкон» – это образ. Но здесь уже другие образы, другие ощущения, запахи и звуки, чем в науке. Это очень богатая, творческая, необъяснимая жизнь, которая чаще всего называется вдохновением. «В душе настало пробуждение, и вот опять явилась ты...», то есть сначала всё это является там в иконике, а потом превращается в прекрасные пушкинские слова.

Сознательный пласт я бы назвал *драматикой*. От древнегреческого глагола «драо», что означает «действую»; отсюда «драматургия». Здесь эти образы начинают обрабатываться, обязательно вступают в противоречие друг с другом. Чтобы хорошо это представить, можно обратить внимание на форму сонатного аллегро: вначале заявляются темы – главная и побочная, потом в средней части сонатного

аллегро происходит их разработка, они начинают по-разному звучать, иногда возникает столкновение главной темы с побочной. А в третьей части происходит диалектическое примирение этих тем. Они возвращаются на свои места, иногда преображённые. Или в классической гегелевской философии тезис – антитезис – синтез. В искусстве подобные столкновения обязательно должны происходить, если их нет – искусство неинтересное, не парадоксальное.

Подсознательным пластом художественной психики является то, что я бы назвал *каноникой*. Это слово появляется, начиная с Поликлета: там, где есть пропорции, там всегда есть какие-то правила. Выработку канона обычно приписывают Поликлету, но у меня такое ощущение, что это есть не только у него, у других скульпторов V-IV вв. до н.э. тоже были свои каноны.

И, наконец, самое интересное – **религия**. Здесь тоже три пласта. Сверхсознательный уровень я назвал бы *мификой*, там богатство образов ещё больше, уже по всей палитре пяти чувств. На мой взгляд, там два ключевых слова. У Матфея, по-моему, нет четырёх членов, у него три члена: «возлюби Бога своего всем сердцем своим, всей душою своею, всем разумением своим». А ещё в одном Евангелии – всей крепостью своей. Для мифики я использовал бы два определения – там сердца религиозного ощущения и там душа религиозного ощущения. Что там только ни крутится! Чего там только для верующего или даже для просто серьёзно относящегося к религиозному познанию нет! Причём иногда возникает такая каша, что даже страшно туда смотреть, но, слава Богу, есть сознание, есть то, что у Матфея названо третьим – разумение.

И эту сознательную часть религиозной психики я бы назвал *теологика*. Здесь происходит вербализация этих, иногда очень смутных, религиозных сверхсознательных ощущений. Разумение пытается перевести на язык, выразить в слове: вот этот, кого я люблю, Иисус Христос или Будда, или Мухаммад, или Аллах, образ

которого невозможно даже представить, его образ невозможен, ибо он «акбар».

А третий слой – мне и изобретать ничего не надо – это *догматика*. По мне это как раз религиозная крепость, это те устои, на которых должно покоиться религиозное сознание, потому что без этого не будет Церкви. Там, где нет церквей, не будет и религиозных направлений: люди просто друг друга не поймут, или будут метаться от одного взгляда к другому.

Четвёртый и последний пункт: мне представляется чрезвычайно важным, чтобы эти три слоя – будь то научная психика, художественная психика или религиозная психика – находились между собой в гармоническом сочетании. То есть для продуктивного функционирования художественной, научной и – особенно – религиозной психики необходимо, чтобы были представлены все три слоя, и чтобы они не спорили друг с другом. Во всяком случае, чтобы они друг друга не отрицали. Это первое. И второе – чтобы они были соразмерно развиты, как фигура Дорифора Поликлета. Потому что очень часто какая-то часть из этих психических слоёв гипертрофируется.

Давайте рассмотрим это на религиозном сознании, хотя то же самое может быть и на научном, и на художественном. Часто бывает, что сверхсознательное религиозной психики богато развито, но не опирается на нормальную продуктивную теологику и продуктивную догматику. И тогда возникают (их трудно терминологически точно обозначить) религиозные индивидуализированные фантазии. Которые человек может быть и творчески переживает, но с которыми мало кто согласится – происходит своеобразный уход от магистрального религиозного пути в область фантазирования, где вперемишку много всего вращается: кошка, левое плечо, какой-то бог непонятно зачем, сегодня он один, а завтра другой. Весьма опасное явление, из которого бог весть какое сектантство вырастает. Первоначально – сектантство, а потом уже оно переносится на теологическую почву – беднейшая теология с опасными результатами, опасными движениями.

Другая опасность – это гипертрофированная догматика, когда человек очень хорошо выучил догмы, считает, что он абсолютно крепкий христианин, но при этом убивается его творческая и религиозная душа, скудеет творческая теология, возникает крайнее проявление «верую, ибо абсурдно».

Ну и наконец так же в общем и теология, лишённая религиозного сверхсознания, религиозного подсознания, тоже достаточно опасна для религиозного движения. Этим грешат почти все выдающиеся философы: это гипертрофированная теология. Конечно, у великих философов другая задача стоит, они просто развивают философию. Они уже философы, они уже перешли на универсальный философский язык и отказались от языка мистики, они не могут себе эту мистику позволить. Или не хотят, или боятся.

Ещё раз подчеркну: чтобы религиозное познание было творческим, продуктивным, обновляющимся [Глаголев, 2013: 32-36], эти три части, во-первых, должны находиться друг с другом в творческом взаимодействии, и второе – нельзя допускать никакой гипертрофированности одного из этих слоёв. То же самое – в искусстве. На мой взгляд, таково абстрактное искусство, которое отказывается от всякой каноники и от всякой драматики, и где самое главное – заявить себя, свои ощущения, а другие пусть эти мои ощущения понимают; я сам их до конца не понимаю, но я вот это нарисовал, инсталлировал, произвёл, а ты давай, включай своё сверхсознание.

Но дело в том, что психика устроена таким образом, что она начинает реагировать, и на это начинает реагировать сознание. И сознание это принимает за правило, а потом это уходит в канонику. И уже если вдруг нарисован человек и у него есть нос, глаза и они находятся в правильной пропорции, то это уже не канон, это какое-то уже древнее нарушение. А значит, устаревшее искусство, какой-то Рембрандт, которого никакому современному человеку не нужно. Или какой-нибудь Чайковский, которого приличный человек и слушать не будет. В те

времена, когда я учился, считалось, что Чайковский в общем-то плохой композитор, а вот Малер! А сейчас и Малера уже подтянули к Чайковскому, потому что устаревший уже совершенно человек – и Малер, и Вагнер и так далее. Каноника меняется, и получается замкнутый круг.

В самом безопасном положении, на мой взгляд, находится наука, потому что она просто не может себе позволить этих метаний. Я имею в виду точные науки. Что касается естественных наук, там ситуация опаснее, потому что, если развивать только гипотетику, то мы скоро все начнём заниматься только вечными двигателями, причём всерьёз заниматься, загружать наше сознание вечными двигателями. И особенно – аксиоматику. Конечно, у всякого творческого человека вечный двигатель обязательно должен быть в гипотетике, потому что если этого нет, значит, он творчески не развивается, он держит это на периферии своих гипотетических мечтаний. Как когда-то на периферии гипотетических мечтаний у великого нашего математика Лобачевского где-то виделись пересекающиеся параллельные линии. И где-то когда-то в гипотетике Эйнштейна искривилось пространство.

Наука в этом плане более защищена, потому что аксиоматика очень требовательная и в общем, как правило, очень хорошо развивается. Там тоже, конечно, не исключён опасный перекося, и очень часто учёные как раз отвергали все смелые идеи именно потому, что «ну так же не может быть!» Ну не пересекаются две параллельные, не воспринимались никакие другие условия.

Труднее всего с религией, потому что религия чрезвычайно консервативна, а догматический её пласт, пожалуй, самый консервативный. При этом верующие люди забывают, что религия в отличие от науки и искусства, пожалуй, самая творческая, потому что здесь решается самый основной вопрос, который интересует всякого думающего человека – это вопрос бессмертия, моего личного бесконечного существования. То есть

ценность выводов, полученных здесь, самая большая: буду я жив после смерти или не буду?

Подводя итог, можно сделать вывод: применение аналитической психологии, уточнённой с помощью развития идей академика П.В. Симонова, к вопросам о характере культурной динамики, позволяет выявить в научном, художественном и религиозном познании и деятельности в целом несколько уровней, соответствующих разным слоям психики. Эти

слои имеют выраженное соответствие степени активности вербального уровня психики (сознания), однако выходят далеко за рамки собственно сознания. А их структура в целом дублируется по схеме «сверхсознание – сознание – подсознание», раскрываясь в различных областях по образцу, лишённому прямых пространственных аналогий и представляющему собой аналог модели исторического перехода человека к социальному образу жизни.

Список литературы:

- Бэкхерст Д. Еще раз о «Загадке человеческого я» // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 88-96.
- Глаголев В.С. Религиозно-эстетические феномены культуры в контексте творческих поисков истины // Что есть истина?: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции / Под ред. М.И. Билалова. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. С. 32-36.
- Громыко Ю.В. Сознание как архивариус. На пути к психосоматике: дисциплине, которая обнаруживает новые интеллектуально-духовные функции // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 185-195.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
- Катунин А.В. Концепция когнитивного бессознательного и её критика Дж. Сёрлом // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1. Ч. 1. С. 129-144.
- Крюкова А.П. Знание без осознания: опыт исследования имплицитного научения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 166-170.
- Кузнецов В.Ю. Проблема единства культуры в постнеклассической перспективе // Философский журнал. 2014. № 2 (13). С. 146-161.
- Матвеева Т.М. Базовые характеристики перцептивного знания // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 420-423.
- Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого я. М.: Политиздат, 1976. 287 с.
- Павлов-Пинус К.А. Теоретизирование о сознании: эпистемические пролегомены. Часть I // Философский журнал. 2018а. Т. 11. № 2. С. 40-57.
- Павлов-Пинус К.А. Теоретизирование о сознании: эпистемические пролегомены. Часть II // Философский журнал. 2018б. Т. 11. № 3. С. 47-55.
- Платон. Апология Сократа // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70-96.
- Сидорова М.А. Даймонион как метафора действующего и мыслящего Кто в философии Х. Арендт // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 93-101.
- Симонов П.В. Созидющий мозг: нейробиологические основы творчества. М.: Наука, 1993. 112 с.
- Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. 161 с.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Антропологическое измерение концептуализации языков познания в современной культуре // Гуманитарный вектор. 2018а. Т. 13. № 3. С. 124-131.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Человек – существо девятимерное // Концепт: философия, религия, культура. 2018б. № 1 (5). С. 7-14.
- Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: АСТ; Corpus, 2016. 336 с.

Об авторе:

Симонов-Вяземский Юрий Павлович – к.и.н., Заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующий кафедрой Истории и теории мировой литературы и культуры МГИМО МИД России.

CREATIVITY AND SOUL: THREE LAYERS OF CONSCIOUSNESS AS A SOURCE OF SCIENCE, ART AND RELIGION

Yu.P. Vyazemsky

Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstracts. *The study of culture as a diversity of activities involves the study of specific forms of such activities not only in their “independent” existence, but also through the lens of those who actually carry out the activities. This approach in cultural studies is related to the treatment of psychology data and cannot ignore its achievements, which became especially relevant by the end of XX - the beginning of XXI centuries and continue to remain among the most demanded issues of cultural studies as a scientific discipline. The methodology of such studies is related to the integrated use of experimental psychology data, as well as theoretical reflection of their role and place in holistic knowledge about the peculiarities of solving “human problem” with their help.*

Because of this, science, art and religion as spheres of cultural activity can be considered through the lens of S. Freud's theory of unconscious and the clarifications made to this teaching by academician P.V. Simon. According to Simonov, the Freudian “pre-conscious” includes both subconscious and super-conscious. The subconscious contains interiorized mechanical skills and nonverbalizable images. An important discovery of Simonov was the identification in the psyche of the area of super-consciousness, where also nonverbalized images are placed, which protect consciousness from itself. In addressing the mental layers of science, art and religion, three sub-levels can be identified in each. In science, these are hypothetics (super-consciousness), theoretmatics (consciousness), and axiomatics (subconscious). In art, respectively, icons (super-consciousness), drama (consciousness), and canon (subconscious). In religion - mythics (super-consciousness), theologies (consciousness), dogmatics (subconscious).

One of the most important aspects of the layers and levels of the psyche in a given model is their balanced development, which helps to prevent multiple “distortions” in one direction or another. The normative layer of cultural studies defined in this way, does not mean essentialist attitudes. The foundation of analytical psychology rests on an experimental component; when thinking about a holistic human phenomenon, its importance still requires a study.

Key words: *activity approach, cultural science, psyche and knowledge, structure of consciousness, unconscious, pre-consciousness, subconscious and super-consciousness, science, art, religion*

References:

Bekkherst D. Eshche raz o «Zagadke chelovecheskogo ia» [Once again about «The Riddle of the Self»]. *Voprosy filosofii—Questions of Philosophy*, 2010, no. 8, pp. 88-96 (In Russian).

Glagolev V.S. Religiozno-esteticheskie fenomeny kul'tury v kontekste tvorcheskikh poiskov istiny [Religious-aesthetic phenomena of culture in the context of creative searches for truth]. *Chto est' is-*

tina?: tezisy dokladov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [What is truth?: abstracts of the All-Russian scientific-practical conference] / Ed. by M.I. Bilalov. Makhachkala, DSU Publishing House, 2013. pp. 32-36 (In Russian).

Gromyko I.U.V. Soznanie kak arkhivarius. Na puti k psikhosomatike: distsipline, kotorai obnaruzhivaet novye intellektual'no-dukhovnye funktsii [Consciousness as an archivist. On the way to psychosomatics: a discipline that discovers new intellectual and spiritual functions]. *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 185-195 (In Russian).

Il'enkov E.V. *Dialekticheskaya logika* [Dialectical logic]. Moscow, Political Literature Publishing House, 1974. 271 p. (In Russian).

Katunin A.V. Kontseptsia kognitivnogo bessoznatel'nogo i ee kritika Dzh. Serlom [The concept of the cognitive unconscious and its criticism by John R. Searle]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, Vol. 11, no. 1, part 1, pp. 129-144 (In Russian).

Kriukova A.P. Znanie bez osoznaniia: opyt issledovaniia implitsitnogo naucheniia [Knowledge without awareness: the experience of the study of implicit learning]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*, 2016, no. 4 (68), pp. 166-170 (In Russian).

Kuznetsov V.I.U. Problema edinstva kul'tury v postneklassicheskoi perspektive [The problem of the unity of culture in the post-nonclassical perspective]. *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*, 2014, no. 2 (13), pp. 146-161 (In Russian).

Matveeva T.M. Bazovye kharakteristiki pertseptivnogo znaniia [Basic characteristics of perceptual knowledge]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka – Cognitive language studies*, 2014, no. 18, pp. 420-423 (In Russian).

Mikhailov F.T. *Zagadka chelovecheskogo ia* [The riddle of the self]. Moscow, Political Literature Publishing House, 1976. 287 p. (In Russian).

Pavlov-Pinus K.A. Teoretizirovanie o soznanii: epistemicheskie prolegomeny. Chast' I [Theorizing about consciousness: epistemic prolegomenes. Part I]. *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*, 2018a, Vol. 11, no. 2, pp. 40-57 (In Russian).

Pavlov-Pinus K.A. Teoretizirovanie o soznanii: epistemicheskie prolegomeny. Chast' II [Theorizing about consciousness: epistemic prolegomenes. Part II]. *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*, 2018b, Vol. 11, no. 3, pp. 47-55 (In Russian).

Platon. Apologiya Sokrata [Apology of Socrates]. *Platon. Sochineniia v 4-kh tt. T. 1* [Plato. Works in four volumes. Vol. 1]. Moscow, Thought, 1990. pp. 70-96 (In Russian).

Sidorova M.A. Daimonion kak metafora deistvui ushchego i mysliaushchego Kto v filosofii X. Arendt [Daimonion as a metaphor for acting and thinking Who in the philosophy of Hannah Arendt]. *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*, 2015, Vol. 12, pp. 93-101 (In Russian).

Simonov P.V. *Sozidaiushchii mozg: neirobiologicheskie osnovy tvorchestva* [Creating the brain: the neurobiological foundations of creativity]. Moscow, Science, 1993. 112 p. (In Russian).

Simonov P.V., Ershov P.M. *Temperament. Kharakter. Lichnost'* [Temperament. Character. Personality]. Moscow, Science, 1984. 161 p. (In Russian).

Simonov-Vyazemskii I.U.P. Antropologicheskoe izmerenie kontseptualizatsii iazykov poznaniia v sovremennoi kul'ture [Conceptualizing the anthropological dimension of the languages of knowing in modern culture]. *Gumanitarnyi vector – Humanitarian vector*, 2018a, T. 13, no. 3, pp. 124-131 (In Russian).

Simonov-Vyazemskii I.U.P. Chelovek – sushchestvo deviatimernoe [A man as a nine-dimensional human being]. *Kontsept: filosofii, religiia, kul'tura – Concept: philosophy, religion, culture*, 2018b, no. 1 (5), pp. 7-14 (In Russian).

Frith Ch. *Making up the Mind: How the Brain creates our Mental World*. Wiley, 2007. 248 p. (Russ. ed.: Frit K. *Mozgidusha: kak nervnaia deiatel'nost' formiruet nash vnutrennii mir*. Moscow, AST; Corpus, 2016. 336 p.).

About the Author:

Simonov-Vyazemsky Yuri Pavlovich – PhD (Historical Science), Head of the Department of History and Theory of World Literature and Culture of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation.